

Ликъ. Высшая Воля воплощалась въ поэтахъ и вождяхъ и они вели сознательно народъ къ Осуществленію.

У насъ не было въ дни нужды нашей ни поэта-пророка, ни вождя, помазанника судьбы. У насъ было только великое народное смиреніе, вѣковое исканіе и алканіе правды, и вѣковое страданіе — печать Креста. И эта сирая, безымянная масса, какъ платъ Вероники, въ великое мгновенье отразила на себѣ Неруководный Ликъ...

Теперь мы видѣли, мы узнали, и мы не можемъ забыть. И пусть даже на время затуманится онъ, ничто уже не можетъ вселить въ насъ ни страха, ни сомнѣнія. Тотъ мигъ прикосновенія къ Подлинному Лику своего Ангела навѣки преобразилъ народную стихію, запечатлѣлъ ее печатью новаго, иного бытія. Преображенный народъ, побѣдившій тьму, побѣдитъ и себя.

Мы вѣримъ, что великая война, которая разыгрывается на поляхъ сраженія всего цивилизованнаго міра, есть война за раскрѣпощеніе челоуѣчества. Всѣ оплоты насилія и тиранніи должны пасть, прежде чѣмъ она можетъ закончиться. Россія одержала великую побѣду въ этой борьбѣ и новая, руководящая миссія въ мірѣ открывается передъ ней. Она умѣла сражаться безъ ненависти, она сѣумѣетъ безъ мести простить побѣжденныхъ, когда часъ побѣды пробьетъ.

Ибо прощеніе есть даръ побѣдителя и только побѣдившій имѣетъ право прощать.

У Россіи небесная миссія и потому велика ея земная отвѣтственность. Великодушная и смиренная, чистыми, незапятнанными руками должна она приступить къ строительству свѣтлаго будущаго для себя и для другихъ.

Она дастъ міру новое религиозное сознаніе, откровеніе о Богѣ, познанномъ въ Братѣ-Человѣкѣ, она осуществитъ въ мірѣ, наряду со Свободой и Равенствомъ, забытый идеаль Братства, призывая сильныхъ и властныхъ жертвенно служить малымъ симъ.

Ибо вскрылся чистый нетронутый Родникъ творчества въ нѣдрахъ народной души и никогда никѣмъ не можетъ онъ больше быть запечатанъ.

На сторожевомъ посту.

Нелюбовь родитъ невѣдѣніе. Нельзя познать то, чего не любишь. Любовь—ключъ, отмыкающій невѣдомое и незримое. Знаніе любящаго ведетъ къ безошибочной мудрости, знаніе ненавидящаго порождаетъ непониманіе и внутреннюю слѣпоту. Вотъ почему писатель, желающій содѣйствовать вѣрному сознанію своихъ современниковъ, не долженъ бы браться за предметъ, который вызываетъ въ немъ антипатію.

Антипатія похожа на кривое зеркало: она искажаетъ предметъ, увеличиваетъ одну его часть насчетъ другой, нарушаетъ вѣрныя соотношенія и уничтожаетъ истинную перспективу. Въ наше жуткое, и такое отвѣтственное время, когда люди ищутъ съ такимъ небывалымъ единодушіемъ новыхъ путей мысли и жизни, говорятъ въ печати о большихъ вещахъ, не погасивъ въ себѣ „искажителя“ истины—большой грѣхъ. Въ такомъ грѣхѣ повинна статья „Типы религиозной мысли въ Россіи“ (Ноябрьская книжка Русской Мысли), въ которой Н. Бердяевъ взялся познакомить читателей Р. М. съ тѣмъ, что такое современная теософія. Авторъ самъ признаетъ, что передъ нимъ — явленіе большихъ размѣровъ, что распространеніе теософіи „обозначаетъ глубокий процессъ въ духовной жизни нашего времени“, что теософія даетъ „дисциплину души, спасаетъ отъ хаоса и разложенія“, что отъ теософіи „многіе получаютъ впервые посвященіе въ духовную и нравственную жизнь“; но онъ не любитъ еѣ и потому его статья отражаетъ не теософію, а то, какъ антипатія автора преломляется въ нелюбимомъ, а слѣдовательно и нераскрывшемся для него предметѣ.

Нельзя не признать, что причинъ для такой нелюбви доста-

точно въ самомъ міросозерцаніи автора; мысль его идетъ по типично—западнымъ колеямъ, ему близко и дорого яркое лично-начало и гордое самоутвержденіе „привилегированнаго“ сына Божья, а теософія выдвигаетъ жертву личнаго начала во имя высшаго, она требуетъ равенства *всѣхъ* передъ Богомъ, для нея высшій человѣческій типъ тотъ, который побѣждаетъ не другихъ, а себя, который является „ничтожествомъ въ глазахъ толпы“; авторъ видитъ желанное явленіе въ „пристрастіи къ своему“ въ ущербъ всему остальному, тогда какъ теософія стремится къ возвышенію части, т. е. своего, любимаго, только для того, чтобы возвышалось цѣлое; автору нравится красочность и яркость діонисическихъ страстей—теософія требуетъ, чтобы они были пожертвованы во имя высшей страсти; авторъ любитъ катастрофы и бездны, теософія стремится къ познанію законовъ духа, которое предупреждаетъ катастрофы и освѣщаетъ бездны.

Въ статьѣ есть признаніе, что авторъ не воспринимаетъ души Востока; что „въ индусскомъ богосознаніи есть что-то, не переводимое на наши европейскія понятія“. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что намъ не нужна душа Востока, что ея религіозный геній лишній для нашего религіознаго творчества?

Что такое религіозное сознаніе народовъ? Это — все тотъ же путь къ Богу, все та же неугасимая тяга къ Источнику Блага и Красоты, къ сіянію того извѣчнаго Свѣта, отъ котораго къ намъ на землю „нисходятъ порознь лишь рѣдкіе лучи“... Но отъ этихъ лучей загорается наша темная грѣшная жизнь такими золотыми побѣждающими зѣрями, отъ которыхъ убѣгаютъ всѣ тѣни нашихъ грѣховъ. Этотъ путь не знаетъ ни „привилегированныхъ“, ни „обездоленныхъ“, ибо онъ всѣхъ одинаково поднимаетъ и всѣхъ ведетъ къ одной и той же цѣли.

Если человѣчество дѣйствительно едино, — а кто въ наше время станетъ отрицать это?—то всѣ перегородки, раздѣляющія его, возведены только на время, какъ тѣ лѣса, которые загораживаютъ истинный видъ строящагося храма. То же происходитъ и съ духовнымъ творчествомъ: въ разныя эпохи, у разныхъ народовъ вырабатываются различныя грани религіознаго сознанія и вырабатываются они ужъ конечно не для того, чтобы величайшее сокровище человѣческой интуиціи пропадало безслѣдно; всѣ грани необходимы, всѣ онѣ—различныя фасады единой Вселенской Церкви, которую мы не видимъ въ ея цѣлостности, потому что она до времени скрыта отъ насъ за высокими лѣсами.

Въ дѣйствительности вся разразившаяся надъ нами катастрофа сводится къ разрушенію стѣнъ, временно возведенныхъ между народами. Стѣны эти были необходимы, пока происходила выработка національныхъ типовъ, также какъ былъ необходимъ эгоизмъ (личный, классовый и народный), пока шелъ процессъ дифференціаціи, давшій такое разнообразіе и полноту жизненныхъ формъ. Теперь стѣны болѣе не нужны и катастрофа стала неизбежна, когда явилось стремленіе искусственно укрѣплять эти стѣны и по новому узаконивать этотъ эгоизмъ, не смотря на то, что человѣческій типъ уже настолько измѣнился, что для него стали невыносимы всѣ виды рабства и гнета.

Демократизація въ самомъ широкомъ и полномъ осуществленіи—вотъ что совершается на нашихъ глазахъ. Не пониженіе идеаловъ, не вульгаризація духовныхъ цѣнностей, а раскрытіе для *всѣхъ* оконъ и дверей, ведущихъ къ сокровищамъ человѣческаго творчества, предоставленіе права каждой проснувшейся душѣ пользоваться великимъ наслѣдіемъ, которое принадлежитъ всѣмъ людямъ безъ исключенія.

Современная исторія даетъ намъ наглядный урокъ, до чего можетъ довести національный эгоизмъ или „пристрастіе къ своему“. Но еще безпощаднѣе эгоизмъ, когда онъ выливается въ религіозную нетерпимость. Народъ, считающій себя привилегированнымъ и предназначеннымъ господствовать надъ остальнымъ міромъ, можетъ потерпѣть поражение на поляхъ битвы и излѣчиться отъ своей маніи величія; но люди, убѣжденные, что ихъ вѣра *единственная*, что внѣ ея нѣтъ спасенія, больны безнадежнымъ недугомъ, ибо въ *этой* области сраженія происходятъ на ментальныхъ поляхъ, гдѣ нѣтъ пулеметовъ и пушекъ для разрушенія стѣнъ, которыя мѣшаютъ узнать и полюбить то, что скрыто за ними.

Теософія появилась на рубежѣ двухъ міровыхъ эпохъ для того, чтобы разрушить эти стѣны, чтобы провозгласить единство религіознаго сознанія всѣхъ людей и приблизить осуществленіе вѣщей мечты о Вселенской Церкви, въ которой всѣ народы будутъ преклоняться передъ единымъ Богомъ Отцомъ.

Бережно сметая пыль вѣковъ съ сокровищъ религіозной мысли древняго Востока, теософія вызвала Возрожденіе Индіи, но она дѣлала это не для того, чтобы вытѣснить христіанство и переносить отрицательныя черты Востока на Западъ. Объединеніе духовнаго творчества Востока и Запада необходимо для обѣихъ сторонъ: для Востока—чтобы зажечь пассивную инерцію

его общественнаго сознанія активной энергіей европейца; для Запада—чтобы одухотворить матеріальную культуру Европейцевъ высокимъ идеализмомъ Индусовъ, чтобы въ нашу обезумѣвшую отъ погони за ничтожными наслажденьями, бездушную, размѣнявшуюся на мелочи буржуазную культуру, ввести струю того благороднаго, тонко-аристократическаго духа, которымъ насквозь проникнута внутренняя культура Индусовъ.

Съ точки зрѣнія *этихъ* задачъ и слѣдовало ставить запросы современной теософіи. Каковы ея научные и литературные труды, какое вліяніе они имѣли на современную науку, на углубленіе ея задачъ и на расширеніе ея области за предѣлы физическихъ явленій; дала ли теософія одухотворяющій толчокъ современному искусству, что ею слѣдано въ пользу антропологической проблемы, вошло ли въ ея задачи возрожденіе эзотеризма религій, все это даже не затронуто авторомъ статьи. Ему очевидно совсемъ не знакома обширная литература на англійскомъ языкѣ, обнимающая произведенія Е. П. Блаватской, А. Безантъ, Джорджа Мида, Субба Роу, Бхагаванъ Даса, Джинараджадаза и другихъ теософовъ Европы и Индіи. Если же упрекъ въ отсутствіи личнаго творчества относится къ той маленькой группѣ русскихъ теософовъ, которые знакомили за послѣдніе года русскихъ читателей съ сокровищами древней теософіи, то у нихъ была совершенно опредѣленная задача: *раскрыть* забытые духовные родники и *подготовить* новое творчество. Наша эпоха требуетъ синтеза, а не дальнѣйшихъ дифференціацій.

Что касается комментаріевъ къ ученіямъ теософіи, которые даются въ статьѣ „Типы Религіозной Мысли въ Россіи“, то они знакомятъ читателей Русской Мысли съ такой теософіей, которая очень далека отъ истиннаго духа ея ученій.

Приведу нѣсколько примѣровъ:

1) „И теософія и антропософія имѣютъ дѣло не съ Богомъ и не съ человѣкомъ, а съ космосомъ. Они не ставятъ вопроса о смыслѣ космической эволюціи, о ея началѣ и концѣ“... (стр. 3-я).

Вся древняя теософія смотритъ на космосъ, какъ на тѣло, въ которое Богъ періодически облачается для того, чтобы могла проявляться жизнь, могли умножаться центры сознанія (человѣкъ). Вопросъ о *смыслѣ* космической эволюціи, о ея началѣ и концѣ составляетъ главную тему теософіи. Смыслъ—развитіе проявленной жизни до божественнаго совершенства; конца жизни, слѣдовательно и конца творчества нѣтъ и быть не можетъ; но *проявленіе* жизни періодично, его начало есть актъ любви Бога, его

конецъ—осуществленіе Его цѣли. Понятіе о „дурной безконечности“, соединяемое съ утомленіемъ отъ вѣчнаго творчества, вызвано свойствами нашего конкретнаго разума, неспособнаго выйти изъ рамокъ конечнаго и ограниченнаго. Духъ не утомляется, утомляются лишь его проводники, и жизнь безъ творчества невозможна: допуская вѣчную жизнь, неизбѣжно допустить и вѣчное творчество. Но не повтореніе. Повтореніе есть отсутствіе творчества.

2) „Теософическое сознаніе въ отличіе отъ старо-христіанскаго и ново-христіанскаго сознанія есть рѣшительный и крайній имманентизмъ и монизмъ. Теософія отождествляетъ Творца и твореніе, Бога и природу“ (стр. 5-я).

Главная заслуга теософіи въ томъ и состоитъ, что она расширяетъ религіозное сознаніе до одновременнаго воспріятія и имманентности и трансцендентности Бога. Она не отождествляетъ „Бога и природу“, а видитъ въ природѣ проявленіе Божественной Жизни. „Отдавъ *часть* Себя на проявленіе міра, Я остаюсь“ говоритъ св. писаніе древняго Востока. „Весь этотъ міръ, введенный въ заблужденіе тремя свойствами, исходящими отъ трехъ гунъ (свойства матеріи: инерція, энергія, гармонія), не знаетъ Меня, Неглѣннаго, Стоящаго *надъ* ними (Бхагавадъ-Гита VII, 13). „Мною—въ Моемъ непроявленномъ видѣ—проникнуть весь этотъ міръ; всѣ существа имѣютъ корень во Мнѣ, но Я *не имѣю* корня въ нихъ“. (Бхагавадъ-Гита X, 4) и т. д.

3) „Теософія ведетъ къ отрицанію непосредственной связи человѣческаго духа съ Абсолютнымъ. Теософія отрицаетъ дуализмъ свободы и необходимости, духа и природы“ (стр. 5).

Вся восточная мистика, все содержаніе Веданты Адвайты есть пламенное утвержденіе единства человѣческаго духа съ Абсолютнымъ. *Tat Twam asi!* Я—это То (Абсолютное)! восклицаетъ торжествующій человѣчскій духъ.

По ученіямъ теософіи весь процессъ эволюціи заключается въ дуализмъ свободы и необходимости, въ единоборствѣ духа съ природными свойствами (гунами); конечная цѣль эволюціи—побѣда свободы надъ необходимостью, духа надъ матеріей. Но рядомъ съ медленнымъ процессомъ эволюціи (природная необходимость), теософія, какъ извѣстно автору, *раскрываетъ Путь*, который ведетъ къ освобожденію духа, къ побѣдѣ просвѣтленной воли надъ природной необходимостью.

4) „Восточное ученіе о Кармѣ есть отрицаніе благодатной любви, творческой избыточности. Все происходитъ и все дается

лишь въ мѣру справедливости. Но божественная любовь не есть справедливость, въ ней дается безмѣрно больше, чѣмъ по справедливости должно даваться. Это и есть тайна Христа, тайна избыточной благодатной любви, которая разбойнику обѣщаетъ сегодня же достиженіе Царства Божія“ (стр. 5).

Приведенныя мысли—результатъ недоразумѣнія, которое объясняется отсутствіемъ на Западѣ гнозиса человѣческой души. Младенческая, по сравненію съ восточной, западная психологія принимала послѣдствіе за причину: видя магическое воздѣйствіе благодати на человѣческую душу, она совершенно упускала другую сторону того же процесса: *маію, совершающуюся въ самой душѣ человека*. Благодать—явленіе о двухъ полюсахъ: одинъ коренится въ Божественной любви, дающей дѣйствительно безмѣрно, а другой—въ человѣческой душѣ, въ ея *готовности* воспріять эту безмѣрную любовь. *Степень готовности* и есть тотъ мистическій фактъ, который *не* учитывается Кармой. Карма есть результатъ совершенныхъ поступковъ, изжитыхъ мыслей и чувствъ, а не творческаго волевого процесса, который можетъ въ мгновеніе „погасить“, какъ выражаются на Востокѣ, карму. Благодать не можетъ дѣйствовать *помимо* самого человѣка: она дѣйствуетъ въ мѣру его готовности и его воленія. Примѣръ съ разбойникомъ иллюстрируетъ не „сокращеніе безконечнаго времени въ одно мгновеніе“, а то, что разбойникъ былъ *готовъ* воспріять благодать. Другой разбойникъ, душа котораго была *не* готова, глумился надъ Христомъ, не смотря на ту же благодать, изливавшуюся на него. Справедливость—такое же божественное свойство, какъ и любовь, и потому даже избытокъ этой любви не могъ вызвать несправедливаго спасенія глумившагося разбойника.

5) „Теософія не знаетъ эсхатологіи“. (стр. 6-я)

Такой эсхатологіи, какую ей приписываетъ авторъ статьи, „кошмара плохой безконечности перевоплощеній“ она *не* знаетъ. Азбука теософіи говоритъ, что человѣкъ воплощается только до тѣхъ поръ, пока его духъ не побѣдитъ матерію, пока свобода не восторжествуетъ надъ природной необходимостью. Теософическая эсхатологія начинается только *послѣ* этой побѣды и противопоставляетъ ей темный ужасъ вѣчнаго ада, какъ „великую правду выхода изъ природнаго порядка въ божественный порядок“, можно только не зная теософіи и имѣя очень странное представленіе о „божественномъ порядкѣ“.

6) „Теософическій имманентизмъ не освобождаетъ человѣка и не приближаетъ его къ Богу. Богъ совсѣмъ не имманентенъ

человѣку, не въ глубинѣ его, Богъ отдѣленъ отъ человѣка космической эволюціей“.

Весь теософическій гнозисъ о человѣкѣ основанъ на сліянніи божественной природы съ человѣческой, на отраженіи божественной Троицы въ тріединомъ духѣ человѣка. Для западнаго анализа человѣкъ продолжаетъ быть сфинксомъ и ему не обойтись безъ теософическаго гнозиса, который видитъ въ человѣкѣ *монаду*, искру Божественной Жизни съ ея тріединствомъ и *микрокосмъ*, малую вселенную, каждая клѣтка которой есть „природная“ жизнь съ своимъ сознаніемъ. „Душа“ связываетъ эти „жизни“ въ стройный космосъ, она является ихъ *центромъ*; а не источникомъ жизни; источникъ, Монада, трансцендентна этому космосу такъ же, какъ Богъ трансцендентенъ *Своему* космосу. Изливъ Свою жизнь и Свою энергію въ космосъ, Онъ остается *надъ* нимъ; то же и съ Монадой: изливъ свою жизнь, имѣющую корни въ Богѣ, въ смертную личность, Монада остается *надъ* ней, и когда умираетъ личность, Монада, обогащенная ея опытомъ, продолжаетъ свою безсмертную жизнь.

7) „Восточная Теософія не знаетъ Богочеловѣка“.

Самая важная и самая цѣнная часть восточной теософіи есть какъ разъ ученіе о Богочеловѣкѣ. Откровенія объ Аватарахъ и объ Учителяхъ, оставшихся *добровольно* въ условіяхъ земнаго существованія, чтобы помогать трудной эволюціи человѣчества, составляютъ вѣнецъ теософическихъ ученій. И все ученіе о Пути ведетъ къ осуществленію Богочеловѣчества. „Когда праведность приходитъ въ упадокъ, а неправедность воцаряется, тогда являюсь Я Самъ. Для защиты добрыхъ, для пораженія творящихъ зло, для возстановленія дхармы*), Я рождаюсь изъ вѣка въ вѣкъ“ (Бхагавадъ-Гита IV, 7, 8). Неужели это недостаточно ясное ученіе о Богочеловѣкѣ?

8) „Творчество предполагаетъ преодоленіе кармы и побѣду надъ ней, а не безконечное изживаніе ея“.

Теософія впервые поставила ясно и опредѣленно проблему *внутренняго творчества*. Западно-европейскіе мистики не различали „благодати“ отъ „внутренняго дѣланья“ самого человѣка; восточная мистика ясно различаетъ между міромъ природной необходимости, которая осуществляется эволюціей, и міромъ духовной свободы, которая достигается *Путемъ*. Ученіе о Пути и есть ученіе о „преодоленіи „Кармы“, о побѣдѣ надъ ней, о

*) Праведнаго порядка.

внутреннемъ теорчествѣ человѣка; и только полное невѣдѣніе могло сказать: „Вступающій на Путь умираетъ для творчества“ (стр. 14-я). Древніе „Посвященные“, иными словами — побѣдоносно прошедшіе весь Путь, отличались величайшей творческой дѣятельностью, они то и создавали великолѣпныя древнія цивилизаціи, они-то и стояли во главѣ всѣхъ отдѣловъ общественной жизни древнихъ народовъ. Одна созерцательность, безъ творческой дѣятельности, говоритъ о безсиліи вступившаго на Путь, а не о свойствахъ самого Пути.

9) „Путь теософіи — безблагодатный путь, на пути этомъ ни одинъ лучъ божественнаго свѣта не падаетъ сверху, все добывается снизу“.

Что такое „божественный свѣтъ“? Это есть любовь, но не слѣпая любовь человѣка-раба, а просвѣтленная любовь побѣдителя, воля котораго слилась съ Волей Бога. Всѣ методы древней восточной теософіи ведутъ къ мудрости, которая есть ни что иное, какъ синтезъ любви и знанія. Методы древняго Востока требуютъ непремѣннаго любовнаго контакта съ объектомъ познания, они даютъ заповѣдь внутренней благости, внутренняго доброжелательнаго привѣта, не только внѣшняго милосердія. Востокъ вѣритъ въ божественность человѣка и онъ требуетъ любви къ нему ради этой божественности. Съ этой вѣрой все, добываемое изъ нѣдръ человѣческаго духа, идетъ сверху, изъ Божественнаго Источника, а не „добывается снизу“.

10) „У теософовъ нельзя найти пониманія огромнаго, прямо религіознаго значенія соціальной проблемы для современнаго человѣка“.

Авторъ очевидно совершенно не знакомъ и съ этой стороной теософическаго credo. Стоитъ познакомиться съ общественной дѣятельностью А. Безантъ, президента междун. Т. О-ва, получившей, какъ извѣстно, свое соціальное воспитаніе въ парламентской школѣ Англій, стоитъ заглянуть въ издаваемый ею еженедѣльный журналъ „Commonwealth“¹⁾, въ которомъ она отстаиваетъ интересы индусскаго народа, чтобы убѣдиться, до чего этотъ упрекъ не соответствуетъ истинѣ. Привожу отрывокъ изъ послѣдней статьи президента Т. О-ва „Wider Outlook“²⁾: „Для меня въ кругъ теософической дѣятельности входитъ все, что содѣйствуетъ общему благу, и я всегда стремлюсь выполнять указаніе, данное Учителемъ Е. П. Блаватской, чтобы

¹⁾ Общее Благо.

²⁾ Theosophist Ноябрь 1916 г.

„теософія получила практическое примѣненіе“ и чтобы тамъ, гдѣ существуетъ теософическая дѣятельность, замѣтно уменьшались бѣдность и страданія.

Придерживаясь этихъ взглядовъ, я учредила въ февралѣ 1908 г. вслѣдъ за моимъ избраніемъ въ президенты Т. О-ва, *Орденъ служенія* съ такимъ девизомъ: „Союзъ всѣхъ любящихъ для служенія всѣмъ страдающимъ“. Этотъ Орденъ вызвалъ къ жизни многія лиги и стремился къ тому, чтобы всѣ единомыслящіе относительно той или другой общественной проблемы, которой они хотятъ служить, могли бы соединиться въ союзы, не ставя въ неловкое положеніе тѣхъ членовъ О-ва, которые имѣютъ иные взгляды. Въ одной Англій образовалось 40 такихъ союзовъ. Рядомъ съ *Орденомъ Служенія*, въ Индіи возникли движенія въ пользу соціальныхъ реформъ и Воспитательный Трестъ, который дѣйствуетъ съ большимъ успѣхомъ“.

Если бы я продолжала — строчка за строчкой — разбирать такимъ же образомъ всю статью г-на Бердяева, вышла бы цѣлая книга и потому я ограничусь этими примѣрами и закончу свою бесѣду съ читателями Вѣстника словами того-же автора, нападающаго на теософію — думается намъ — по недоразумѣнію; по крайнѣй мѣрѣ въ насъ — его горячій, полный силы и правды, протестъ противъ нашей бездушной, бездуховной, размѣнявшейся на ничтожныя мелочи современной жизни, вызываетъ самое горячее сочувствіе. Вотъ эти слова: „Изъ тисковъ (односторонней разсудочности современнаго сознанія) намъ необходимо выйти на свободу къ творческой мысли, творческому знанію, къ гностическому свѣту, преображающему міръ“.

Е. Писарева.

Есть благородство неба и благородство человѣка. Благоволеніе, праведность, самоотреченіе и вѣрность съ неутомимой радостью въ этихъ добродѣтеляхъ, составляютъ благородство Неба. (Менцій).

Изреченія Китайскихъ Мудрецовъ.